

КВАНТОВАЯ
ПОГРЕШНОСТЬ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

БАТЛЯ

18+

Владислав Север

Квантовая погрешность Батия

<https://litres.ru/74276894>

SelfPub; 2026

Аннотация

Обычный инженер из Москвы попадает в 1237 год, где вынужден спасать средневековый город от войск Батия, тевтонцев и наёмников современности.

Содержание

Глава 1	4
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Владислав Север

Квантовая погрешность Батыя

Глава 1

Легкие разрывало от пронзительного, колючего холода. Хлесткий, удушливый поток морозного воздуха забил рот, не давая сделать ни единого глубокого вдоха. Максим не помнил, как именно здесь оказался, и это беспомощство пугало его сильнее самого падения. Секунду назад — или целую вечность, стертую из памяти? — он твердо стоял на двух ногах в чистой, залитой ровным, безжизненным неоновым светом лаборатории НИИ Химфизики на самой окраине заснеженной Москвы. На настенном календаре, отпечатанном на глянцевом пластике, четко виднелось 14 марта 2026 года. В руках у него был зажат экспериментальный литий-графеновый накопитель повышенной емкости — матово-черный тяжелый брусок, над которым они с отцом бились последние полгода, забыв про сон и нормальную еду. Помнил короткий, сухой треск, похожий на щелчок мощного разряда статического электричества, и пронзительный, до боли в костях, ультразвуковой писк, от которого мгновенно заложило

уши. А в следующий миг под ногами гладкий, безупречно серый наливной пол просто исчез.

Вместо него открылась бездна, заполненная серым туманом и воющим ветром. Максим рухнул спиной в сугроб, с размаху пробив жесткий мартовский наст, и кубарем, ломая ветки, покатился по крутому, заросшему колючим кустарником склону оврага. Жёсткие, промороженные ветки дикого лесного малинника безжалостно хлестали по лицу, оставляя глубокие царапины, рвали в клочья плотную, дорогую ткань зимней мембранной куртки. Его швыряло из стороны в сторону, как тряпичную куклу, пока он наконец не замер, с глухим стуком уткнувшись головой в толстый, покрытый наростами мха ствол вековой сосны.

— Какого х... — выдохнул он вместе с облаком густого, белого пара, который тут же заморз на его ресницах мелкими ледяными иглами.

Голова раскалывалась так, словно по черепу со всей дури ударили бейсбольной битой или чем-то подобным. В висках тяжело стучала кровь. Максим попытался подняться, оперевшись руками о снег, но колени подогнулись, а перед глазами поплыли цветные маслянистые пятна, мешающие сфокусировать взгляд. Когда пелена чуть рассеялась, он огляделся. Вокруг стоял глухой, дремучий, первобытный бор. Ни привычного, глухого гула недалекого кольца МКАДа, ни грязного, розоватого отсвета городских огней на низких мартовских тучах. Никаких следов человеческой жизнедеятель-

ности. Только неестественная, звенящая тишина, от которой закладывало уши, и вековые деревья-исполины в три обхвата, каких в Подмосковье двадцать первого века, да и вообще в европейской части России просто не осталось — их все давно вырубил или пустил на дрова.

Максим дрожащими от холода пальцами судорожно полез в боковой карман куртки. Тонкий металлический корпус смартфона обжёг ладонь ледяным прикусом. Он нажал на кнопку блокировки. Экран неохотно моргнул, высветив треснувшую заставку, а затем выдал системное сообщение: *«Сбой сети. Поиск GPS... Сигнал отсутствует. Заряд батареи: 4%»*. Никаких палочек связи, никакого интернета. Часы на приборной панели телефона замерли на отметке 15:42, но секундная стрелка электронного виджета не двигалась. Платформа времени дала сбой.

Тишину леса разразил звук, от которого у Максима внутри всё похолодело. Это был не рёв сломавшего ветку медведя и не треск костей под лапой волка. Это был человеческий крик — дикий, надрывный, полный смертного ужаса и ярости. А следом за ним раздался сухой, хлёсткий, мерзкий перестук железа о железо. Клинок бил о клинок. Сталь резала кольчужные кольца.

Дрожа от пронизывающего холода и внезапного прилива адреналина, Максим пополз вверх по склону оврага, утопая по пояс в рыхлом, сыром снегу. Инстинкт самосохранения, воспитанный годами тихой городской жизни, орал, что

нужно бежать в противоположную сторону, зарыться в сугроб, исчезнуть. Но рассудок инженера-исследователя требовал информации. Без точных данных о том, где он находится, выжить в этом лесу было невозможно. Он высунул голову из-за поваленного, подгнившего бревна березы на самом краю просеки и замер, боясь сделать лишний вдох, чтобы не выдать себя облаком пара.

Прямо перед ним разворачивалась кровавая, первобытная бойня. Посреди узкой, заваленной сугробами лесной дороги — скорее, просто протоптанной в глуши просеки — стояла тяжелая деревянная телега, запряженная парой изнуренных, покрытых инеем лошадей. На телеге громоздились рогожные мешки и окованные железом дубовые бочки, из которых пахло кислым ржаным тестом и солодом. Вокруг нее насмерть бились люди. Их было немного — чуть больше десятка. С одной стороны — пятеро мужчин в тяжелых, покрытых ржавчиной и свежей кровью кольчугах-рубахах, доходивших им до колен. На головах у них высились конические железные шлемы с наносниками, из-под которых выбивались грязные, давно не мытые пряди волос. Они отбивались, выставив круглую дубовую стену щитов, обтянутых кожей. С другой стороны — семеро наступавших. На них не было тяжелого железа, только жесткие кожаные кафтаны-дохи, подбитые волчьим мехом, и странные, островерхие меховые шапки с хвостами. Они двигались с невероятной, звериной грацией, нападая с короткими изогнутыми саблями в

руках, уворачиваясь от прямых ударов.

«Реконструкторы? — пронеслась в голове Максима безумная, спасительная мысль, за которую разум ухватился как за соломинку. — Исторический фестиваль? Слишком... слишком натурально. И этот запах...»

В нос ударил густой, приторный, тошнотворный запах свежей крови, конского пота и немытых человеческих тел. Один из нападавших в меховой дохе увернулся от тяжело-го, размашистого взмаха топора ратника и молниеносным, кошачьим движением полоснул того саблей по горлу. Хлынула багровая густая струя, мгновенно окрашивая девственно-белый снег в страшный, кричащий цвет. Раненый рухнул, хрипя, пуская кровавые пузыри и царапая пальцами ледяной наст.

Максима едва не вывернуло наизнанку. Кишечник сжался от спазма. Это была не игра, не постановка для туристов. С удивлением, переходящим в ужас от осознания происходящего, Максим опознал в нападавших монгольских нукеров: меховые шапки с лисьими хвостами, сложные изогнутые луки, коренастые степные лошади, ждущие своих всадников в сторонке.

Реальность происходящего обрушилась на него всей своей свинцовой, безжалостной тяжестью. Он провалился в прошлое. И это прошлое убивало прямо сейчас, в нескольких метрах от него.

Тем временем кольчужный строй защитников телеги

дрогнул. Огромный ратник, судя по всему, командир — с густой, окладистой бородой, тронутой сединой, и глубоким шрамом через всю левую щеку — остался вдвоем с молодым, совсем еще мальчишкой-оруженосцем. Они отступали к самому борту телеги, прижимаясь спинами к дубовым бочкам. Бородач дрался как проклятый, его тяжелый, прямой меч со свистом рассекал морозный воздух, но враги обложили его со всех сторон, действуя слаженно, как стая волков. Один из кочевников зашел со спины, пригибаясь к снегу, и начал медленно поднимать саблю для смертельного удара в незащищенную шею бородача, прямо под срез шлема. Мальчишка-ратник был занят другим врагом и не видел угрозы командиру.

Максим действовал раньше, чем успел подумать. Технарь внутри него мгновенно, на чистых рефлексх, просчитал: если последнего взрослого бойца в кольчуге сейчас убьют, нападавшие кочевники неизбежно прочешут лес вокруг телеги в поисках других свидетелей или добычи. Они найдут его, Максима, в его нелепой, кричащей ярко-синей куртке, и тогда смерть будет быстрой и неизбежной. Выход был один — ломать сценарий этого боя прямо сейчас, используя то единственное, что у него осталось.

Он выпрямился в полный рост за бревном. Смартфон всё ещё был зажат в его правой руке. Палец судорожно скользнул по экрану, активируя функцию, которую он сам же дорабатывал в лаборатории для полевых тестов — сверхмощ-

ный светодиодный фонарь-вспышку с направленной кварцевой линзой, способный работать на максимальном импульсе аккумулятора, выжигая остатки заряда.

— Эй, суки! — заорал Максим со всей дури своего испуганного, перехваченного судорогой горла.

Кочевник с поднятой саблей инстинктивно повернул голову на этот чужеродный, громкий крик. В ту же микросекунду Максим вскинул руку вперед и нажал кнопку на корпусе телефона.

Лесной мартовский полумрак разорвал ослепительный, мертвенно-белый, невероятно мощный луч направленного света силой в несколько тысяч люмен. В условиях глубоких зимних сумерек, когда глаза нападавших были полностью адаптированы к темноте, это было равносильно взрыву световоумовой гранаты прямо перед лицом.

Степной воин дико, по-птичьи вскрикнул, выронил саблю из ослабевших пальцев и закрыл лицо руками, полностью дезориентированный и ослепленный. Этот короткий миг спас бородатому командиру жизнь. Почувствовав резкое движение и уловив краем глаза невозможную вспышку света за своей спиной, бородач резко развернулся всем корпусом. С коротким, яростным выдохом «Ха!» он наотмашь рубанул мечом. Тяжелая сталь с хрустом рассекла грудную клетку ослепленного врага, разрубая кожаный кафтан вместе с ребрами.

Оставшиеся трое нападавших на секунду замерли, с пер-

вобытным, суеверным ужасом глядя на склон оврага, где стоял Максим. В их узких глазах застыл дикий страх. Человек в странных, переливающихся синевой «доспехах», держащий в руке прирученную, карманную молнию, показался им выходцем из преисподней, злым духом лесной чащи.

— Шайтан... — прошептал один из них, пятясь к своей лошади.

Но страх длился лишь мгновение. Их предводитель, скуластый мужчина с тонкими крысиными усами и шрамом на подбородке, быстро справился с шоком. Он что-то гортанно, яростно выкрикнул на незнакомом языке и указал кривой саблей прямо на Максима. Два кочевника, перепрыгивая через окровавленные трупы своих товарищей, бросились к склону оврага.

«Идиот!» — мысленно обругал себя Максим. Лучом фонаря саблю не остановишь, а законы физики здесь работали против него. Экран телефона моргнул напоследок синим цветом и окончательно погас. Батарея умерла, превратив современный гаджет в бесполезный кусок пластика и стекла.

Максим развернулся и припустил назад в чашу, проваливаясь по колено в сырой, тяжелый снег. Сзади слышался тяжелый, частый топот кожаных поршней и треск ломаемых кустов. Хрононавт двадцать первого века бежал так, как не бежал никогда в жизни. Ветки сосен били по лицу, оставляя кровавые полосы, легкие горели огнем от морозного воздуха.

Свист. Сухой, резкий щелчок.

Прямо перед его носом в ствол старой сосны с глухим стуком вонзилась толстая деревянная стрела с тяжелым, граненым железным наконечником. Дерево пустило глубокую трещину, кора полетела во все стороны. Промаяхнись лучник на пару сантиметров левее — и череп Максима разлетелся бы, как спелый арбуз под колесом грузовика.

Он резко вильнул в сторону, потерял равновесие на скользком корне, скатился в какой-то глубокий овраг и кубарем полетел вниз, собирая спиной все камни и обломки веток. В конце падения он сильно ударился левым плечом о поваленное бревно. Сознание на мгновение помутилось от резкой боли, в глазах вспыхнули багровые искры.

Наверху, на самом краю оврага, показались два силуэта. Они тяжело, шумно дышали, высматривая добычу в сгущающихся сумерках. Максим замер под бревном, буквально вжавшись в снег и стараясь не дышать, сдерживая кашель. Сверху донеслась чужая, гортанная речь. Кочевники начали медленно спускаться на дно оврага, держа сабли наготове. Шаг. Еще шаг. Снег хрустел совсем рядом, в каких-то пяти метрах. Максим зажмурился, приготовившись к худшему.

Вдруг сверху, со стороны дороги, раздался тяжелый топот и яростный, громовой крик. Бородатый командир ратников со своим уцелевшим молодым бойцом подоспели вовремя, выследив нападавших по следам. Завязалась короткая, суматошная и жестокая схватка. Максим слышал тяжелые удары

железа о кость, хрипы, проклятия и глухие падения тел на наст. Всё затихло так же внезапно, как и началось.

Максим медленно открыл глаза и приподнял голову из-под бревна. Над ним стоял тот самый бородатый великан в кольчуге. Тяжелый, прямой меч в его правой руке был густо покрыт темной, уже густеющей на морозе кровью, которая медленно капала на белый снег. Великан тяжело дышал, из-под его конического железного шлема валил густым паром пот. Командир внимательно, с ног до головы, оглядел Максима. Его взгляд надолго задержался на футуристичных кроссовках с подошвой из вспененного полиуретана, ярко-синей мембранной куртке и, наконец, остановился на бледном лице инженера.

— Живой ли, чужеземец? — прогудел великан. Голос его был на удивление глубоким, грудным, но в нем звенела настоящая сталь. Язык был похож на русский, но слова звучали странно, с непривычным, тягучим повалом и жесткими «окающими» звуками, словно он говорил на каком-то древнем, забытом северном диалекте.

Максим не успел ответить. Сил и воздуха в легких хватило только на то, чтобы слабо кивнуть.

— Ну, вставай, коли цел. Княжье добро мы отбили, и тебя в обиду не дадим. Коли бы не твоя молния ручная, лежать бы мне тут на дороге с перерубленным горлом, птиц лесных кормить. Я десятник сотни воеводы Петра, Микула. А ты чей будешь? Из каких земель в наши края забрел? Одежа на те-

бе... чудная, аки чешуя рыбы морской. Немец? Или из франков будешь?

— Меня зовут Максим, — тихо, сиплым от холодного воздуха голосом сказал он, стараясь подбирать слова и говорить медленно. — Я... издалека. Из Москвы.

Микула нахмурился, сурово переглянувшись со своим молодым оруженосцем, который как раз вытирал пучком сухой травы окровавленный топор.

— Из Москвы? С Кучкова, что ли? — Десятник недоверчиво хмыкнул, почесав бороду грязной стальной перчаткой. — Так там деревня в три двора да острожек малый на холме, волкам выть. Откуда там таким мастерам взяться, да в одеждах синих? Да ладно, в граде разберемся, у ворот. Воевода наш решит, кто ты есть — спасенье наше, Господом посланное, али хитрый лазутчик нехристей степных. По коням! Монгольские передовые отряды близко бродят, учуяли кровь, нельзя тут более медлить.

Максим с трудом поднялся, держась за ушибленное левое плечо, которое разрывалось от боли. Голова всё ещё кружилась, а реальность происходящего медленно, со скрипом доходила до его сознания.

Память выдала историческую хронологию. До нашествия Батыя Москва действительно была небольшим пограничным городком Владимирского княжества. Но в январе 1238 года она была полностью сожжена монголами под руководством темника Шибана. Раз город на холме еще стоит, значит, на

дворе еще конец 1237 года.

Да и в истории Руси был только один период, когда монгольские передовые отряды появились в суздальских лесах — это осень-зима 1237 года, накануне осады Рязани и Владимира. Совпадает.

1237 год. Северо-Восточная Русь. Он читал об этом периоде в учебниках истории на первом курсе института. До страшного, опустошительного нашествия Батыя на суздальские земли оставались считанные месяцы, если не недели. Мир вокруг был настоящим, и этот мир собирался сгореть.

Максима бесцеремонно, но аккуратно усадили на тяжелую деревянную телегу, набросав сверху вонючую, жесткую рогожу и сухую солому. Дорога до острога взяла около двух тяжелых часов. Лошади шли медленно, хрипели, Микула и парень-оруженосец ехали верхом по бокам телеги, настороженно вглядываясь в серые, быстро густеющие лесные сумерки и держа руки на рукоятках оружия. Максим под рогожей пытался согреться, его колотила крупная, неостановимая дрожь — и не столько от физического холода, сколько от страшного, экзистенциального осознания того, что его прошлая жизнь, цивилизация, родители, лаборатория и безопасность остались где-то за непреодолимой, невидимой стеной веков.

Наконец вековой лес расступился. Перед ними из серого мартовского тумана выросла высокая, мрачная деревянная стена из толстых, заостренных кверху дубовых бревна —

острог, обнесенный глубоким, наполовину замерзшим рвом с надолбами. Над воротами на железных штырях горели факелы, выхватывая из темноты фигуры часовых в тяжелых меховых тулупах с рогатинами в руках.

— Свои! Десятник Микула с припасами княжьими! Отворяй засов! — зычно, на весь лес крикнул командир разъезда.

Тяжелые дубовые ворота нехотя, со страшным скрипом поползли в стороны, открывая узкий проход. Телегу завезли внутрь тесного детинца. Максим сбросил с себя вонючую рогожу и огляделся. Вокруг высились бревенчатые избы, приземистая рубленая церковь с темным куполом-луковицей, повсюду стоял густой запах гари, навоза, сырости и печного дыма. Вокруг телеги сразу начали собираться уцелевшие люди — суровые ратники в железных шапках, женщины в длинных темных платках, чумазые дети.

Микула тяжело соскочил с коня, передал поводья отроку и помог Максиму слезть с телеги. — Идем, Максим из Москвы. Воевода наш ждать не любит, нрав у него крут.

Они направились к большому, двухэтажному рубленому срубу в самом центре крепости — княжескому терему. У высокого крыльца стоял человек, который, судя по осанке, контролировал всю оборону острога. На нем была дорогая, начищенная до зеркального блеска пластинчатая кольчуга, поверх которой был накинут богатый корзно — плащ, подбитый куньим мехом и скрепленный на правом плече золотой фибулой. Лицо его скрывала глубокая тень от конического

шлема, но властный жест руки выдавал в нем безоговорочного хозяина этого места.

Микула подошел ближе, отвесив низкий, почти поясной поклон: — Здравствуй, воевода Петр. Припасы доставили, ни одной бочки не растрясли, но наткнулись на татарский разъезд у просеки. Кабы не этот чужездец с его оружием дивным... — Микула указал рукой на Максима.

Воевода медленно, тяжело стуча коваными сапогами по деревянным ступеням крыльца, сделал шаг вперед. Факел, закрепленный в железном кольце на стене избы, ярко, безжалостно осветил его лицо. Максим взглянул на него — и у него подкосились колени, а воздух застрял в горле. Серьезный удар током не мог бы потрясти его сильнее.

Этого не могло быть. Это был бред, галлюцинация, сумасшествие от удара головой о бревно в овраге.

На воеводу Петра с суровой, глубокой, почти вековой ненавистью смотрело лицо человека, которого Максим знал всю свою сознательную жизнь — лицо его родного отца, Александра Владимировича, главного инженера-конструктора НИИ Химфизики из 2026 года. Те же серые, умные глаза с характерным прищуром, та же горбинка на переносице, тот же упрямый, волевой подбородок с ямочкой. Точная, абсолютная, генетическая копия — только чуть старше, с суровыми, глубокими морщинами у губ и длинным белесым шрамом у левого виска. Воевода выглядел в точности как на той старой, пожелтелой семейной фотографии начала века,

которую отец тайно показывал ему в детстве, рассказывая о древних, корнях их рода.

Воевода Петр остановил свой тяжелый, пронзительный взгляд на ярко-синей куртке Максима. Его губы дрогнули, превращаясь в узкую, жестокую линию, в глазах мелькнуло что-то похожее на узнавание, но оно тут же сменилось ледяным гневом. Он медленно положил тяжелую ладонь в стальной перчатке на рукоять меча.

— Так вот ты какой, колдун заморский, — негромко, но отчетливо, с характерной хрипотцой произнес воевода. В его голосе не было ни капли благодарности — только глухая, вековая ненависть. — Микула, взять его. И забить в колодки деревянные, в самый нижний поруб. Этот выродок пришел сюда, чтобы сжечь наш дом до основания. Я знаю этот взгляд.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.